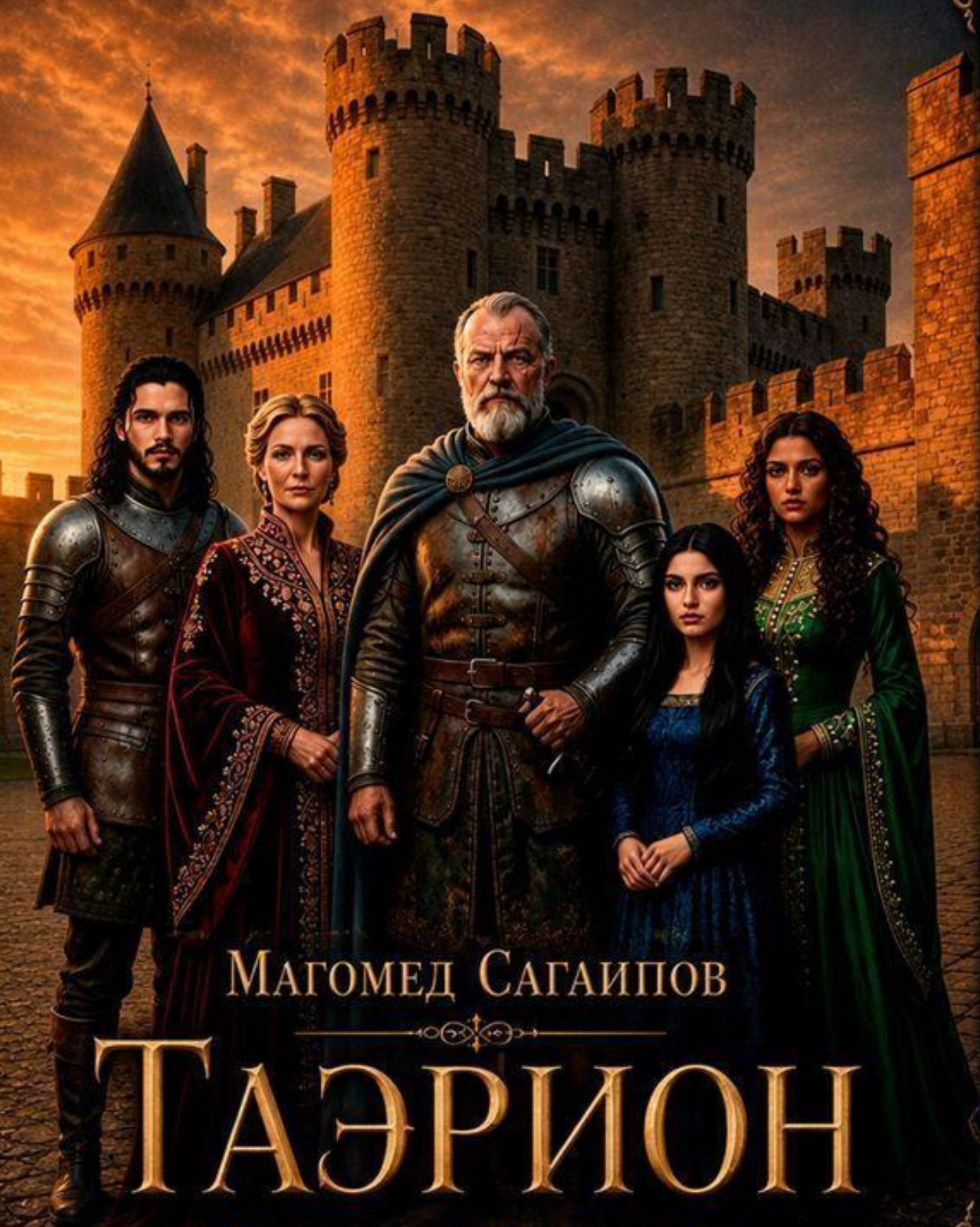

12+

Магомед Сагаипов

ТАЭРИОН

НОВОЕ НАЧАЛО

Магомед Сагаипов

Таэрион. Новое начало

«Издательские решения»

Сагаипов М. Р.

Таэрион. Новое начало / М. Р. Сагаипов — «Издательские решения»,

Враг повержен. Валхелла свободна. Казалось бы — победа. Но Таэрион знает: завоевать проще, чем построить. Впереди не война — кое-что труднее. Новые законы, старые традиции и сын, который видит будущее иначе, чем отец. Иногда самая трудная битва — не с врагом. А с самим собой. Финал трилогии. Начало легенды.

Содержание

— Продолжай	8
— Помню	9
— М?	10
— М?	11
Глава 2. Ворота	12
— Да.	14
— А я?	18
Глава 3. Последний Архонт	20
Тишина	21
— Потери?	22
— М?	25
Глава 4. Возвращение	26
Глава 5. Новый дом	29
— Смотрю	32
— Говори	33
— Услышал	34
Глава 6. Приговор	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Таэрион. Новое начало

Магомед Рамзанович Сагаипов

© Магомед Рамзанович Сагаипов, 2026

ISBN 978-5-0070-2111-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таэрион. Новое начало

Глава 1. Дорога на север

Армия выступила на рассвете.

Не было барабанов. Не было боевых кличей и знамён, развёрнутых на ветру. Колонна просто пришла в движение — сначала передовые дозоры, потом конница, потом пехота — и двинулась на север по дороге, которая ещё помнила следы нифльгардских сапог.

Таэрион ехал в голове колонны. Не потому что так положено Кардону — просто иначе он не умел. Всю жизнь, сколько он себя помнил, он шёл первым или не шёл вовсе.

Утро было серым и холодным. Над холмами висел низкий туман, скрывая их вершины, и дорога уходила вперёд как в молоко — видно было шагов на сто, не больше. Копыта коня глухо стучали по утопанной земле. Где-то позади мерно переговаривались командиры, звенела сбруя, изредка кто-то кашлял в сыром воздухе. Колонна была небольшой — человек пятьсот, не больше. Но шли они плотно и без лишнего шума, как люди которые знают куда идут и понимают зачем.

Основная сила была уже там. Впереди. За нифльгардскими стенами — те, кого Морген считал своими лучшими воинами, а они уже несколько дней ждали одного знака.

Тариан поравнялся с отцом немного погодя. Его конь был моложе и горячее — пришлось придержать, чтобы не вырваться вперёд. Он некоторое время ехал молча, глядя на туман впереди, на мокрую траву по обочинам, на спины дозорных далеко впереди — едва различимые силуэты в белёсой мгле.

Таэрион не оборачивался. Он чувствовал присутствие сына рядом так же естественно как чувствуют тепло костра — не глядя на него, просто зная что он есть.

— Вчера вечером, перед выступлением, — сказал он наконец, — я пошёл к могиле Каэлана.

Тариан ничего не сказал. Только чуть натянул поводья.

— Постоял там, — продолжил Таэрион. — Долго. — Он помолчал. — Он должен был дожить до этого.

Тариан молчал. Каэлан для него был не абстракцией — он помнил тот день. Двор. Крики. Подвал где они сидели втроём с матерью и сестрой и слышали всё что происходило снаружи. Он помнил как они вышли потом. Помнил двор и то что увидел в нём. Некоторые вещи не забываются — они просто уходят вглубь и лежат там тихо, пока что-то не поднимает их снова на поверхность.

— Он мечтал что я однажды всё-таки стану Кардоном, — сказал Таэрион. — Убеждал меня в этом все восемнадцать лет. Говорил — этот день наступит, я знаю. А я говорил ему — я изгой, Каэлан. Изгой Кардонами не становятся. — Он помолчал. — Он никогда не спорил в ответ. Просто смотрел на меня так, будто я сказал что-то очень глупое. И молчал.

Тариан невольно усмехнулся — он узнавал этот взгляд. Сам получал его не раз. Каэлан умел молчать так, что молчание весило больше любых слов.

— Он бы ворчал всю дорогу, — сказал Таэрион тихо, будто сам себе. — Что идём медленно. Что дозоры расставлены неправильно. Что лошадей плохо кормят.

Тариан ничего не добавил. Просто ехал рядом.

Этого было достаточно.

Дорога пошла в гору — впереди начинались предгорья. Лошади замедлились, налегая на подъём. Туман начал рваться — сначала у вершин холмов, потом ниже, и сквозь него проступило серое утреннее небо. Стало видно дальше — на обочинах лежали большие плоские камни, покрытые мхом, между ними пробивалась бледная осенняя трава. Дорога здесь была старой — выбитой тысячами ног и колёс за сотни лет, и камни по краям были отполированы до блеска.

— Скажи мне, — произнёс Тариан после долгого молчания. Голос у него был ровным, но Таэрион слышал в нём то усилие с которым молодые люди задают вопросы которые долго держали при себе. — Морген будет драться до конца? Или сложит оружие когда увидит что у него за спиной?

Таэрион не ответил сразу. Смотрел на дорогу — на мокрый щебень, на траву по обочинам тяжёлую от росы, на туман который уходил всё выше и выше.

— Морген не Гуннар, — сказал он наконец. — Гуннар всегда был труслив в душе. Под всей этой позолотой и самодовольством — трус. Когда пришло время — бросил меч и спрятался за троном. — Таэрион чуть помолчал. — Морген другой. Он умный. И гордый. Не той гордостью которая прячется, а той которая не умеет отступать.

— Значит будет драться.

— Будет. Не потому что надеется победить. Потому что иначе — не может.

Тариан обдумал это. Его конь фыркнул, мотнул головой — почуял что-то в остатках тумана.

— Тогда будут потери, — сказал Тариан.

— Будут, — сказал Таэрион просто. Без сожаления и без жёсткости. Просто как факт который давно принят и с которым давно смирились.

Туман окончательно разошёлся и впереди открылась долина — широкая, с рекой внизу, блестящей как оловянная лента. На том берегу темнели первые нифльгардские деревни — маленькие, серые, с дымом из труб. За деревнями, на горизонте, едва различимой тёмной полосой стояли стены.

Таэрион остановил коня на гребне. Смотрел на долину. За его спиной колонна тоже замедлилась — люди поднимались на гребень и видели то же что видел он, и на какое-то время разговоры стихли.

— Отец, — сказал Тариан, — а после? Когда Нифльгард будет наш — что с ним делать?

Таэрион поднял взгляд. Посмотрел на сына — внимательно, без спешки.

— А ты как думаешь?

Тариан не удивился вопросу. Отец давно перестал просто давать ответы. Это началось ещё в изгнании, когда Тариан был маленьким и сидел рядом на облучке повозки, и отец говорил с ним как с равным которому просто нужно время чтобы дорасти. С тех пор мало что изменилось в этом — только Тариан вырос, и ответы стали другими.

— Я думаю, — сказал Тариан медленно, подбирая слова, — что нельзя обращаться с ними как с побеждёнными. Нельзя унижать. Не потому что жалко — хотя и поэтому тоже. А потому что побеждённый которого унизили никогда не станет своим. Он будет ждать. Год, десять, двадцать — будет ждать и копить. И в один день ударит в спину.

— Продолжай

— Нифльгард воевал с Валхеллой триста лет. — Тариан смотрел прямо перед собой — на долину, на реку, на стены. — Из-за того что двое братьев не смогли договориться. Это не вина людей которые там живут — они родились в этой войне так же как мы. Если мы придём туда с мечом и скажем — вы теперь ничто, вы наши, молчите и подчиняйтесь — мы получим ещё триста лет. Только уже изнутри.

— И что ты предлагаешь?

— Не подчинение — вхождение. Их уклад — пусть останется в той части которая никому не вредит. Их старейшины — пусть сядут в совет. Не как побеждённые. Как новые. — Тариан чуть помолчал. — Армию распустить. Тех кто хочет — принять в Корпус. На общих основаниях, без различия откуда кто родом.

Таэрион долго молчал. Смотрел на долину. На реку. На деревни с дымом из труб — там жили люди которые сегодня утром встали, растопили очаги, накормили детей и не знали что к ним идут.

— Ты это давно обдумывал, — сказал он наконец.

— С того дня когда мы ехали сюда в первый раз, — ответил Тариан. — Ещё в повозке. Ты рассказывал мне про Мартеса и Нифеля. Помнишь?

— Помню

— Ты сказал — они оба были правы. Просто по-разному. — Тариан посмотрел на отца. — Я тогда думал — а вот если бы они всё же договорились. Как бы выглядела та Валхелла. Большая. Единая. С кругосветами и со стенами одновременно. — Он помолчал. — Наверное вот так.

Он кивнул вперёд — на долину, на реку, на деревни за ней.

Таэрион смотрел на сына. Долго. Потом перевёл взгляд на долину.

— Сначала возьмём, — сказал он тихо. — Потом будем думать как держать.

— Я знаю, — кивнул Тариан. — Но хорошо иметь ответ заранее.

Таэрион ничего не сказал на это. Только тронул коня — тот прибавил шагу и пошёл вниз по склону. Тариан поравнялся.

Они ехали рядом. Внизу блестела река. За рекой начинался Нифльгард. За их спинами пятьсот человек спускались следом — без барабанов, без кличей, молча, как люди которые сделали выбор давно и теперь просто шли к нему.

Солнце наконец пробилось сквозь остатки тумана. Свет лёг на мокрую траву, на дорогу, на реку внизу. Стало видно дальше — тёмная полоса нифльгардских стен на горизонте стала отчётливее. Чуть правее над стенами поднимался лёгкий дым — не пожар, просто утренние очаги. Город жил. Пока ещё жил как прежде.

— Отец, — сказал Тариан негромко.

— М?

— Как ты думаешь — Орвас доволен что остался в Харуме? Или обижается?

В уголках глаз Таэриона появились едва заметные морщины — он прищурился, и это было почти улыбкой.

— Орвас обижается на всё, — сказал он. — Это было его главное занятие всегда и так будет.

Тариан засмеялся — коротко, негромко. Таэрион не засмеялся, но что-то в его лице на мгновение смягчилось. Что-то тёплое и живое.

— Ладно, — сказал он после паузы. — Скачи к Довару. Скажи — через два часа подходим к переправе. Пусть дозоры проверят берег заранее.

— Есть, — сказал Тариан. И уже разворачивая коня добавил: — Отец.

— М?

— Всё получится.

Таэрион не обернулся. Смотрел на реку внизу, на стены за ней, на дым над городом который ещё не знал что этот день будет последним в его прежней жизни.

— Скачи, — сказал он тихо.

Тариан ускакал. Копыта застучали быстро и потом стихли в общем негромком шуме колонны.

Таэрион остался один в голове. За спиной шли пятьсот человек. Впереди блестела река. За рекой стояли стены. За стенами ждали тысячи — свои, чужие, те что уже давно перешли на сторону и те что ещё не решились.

Он тронул коня и поехал вниз — к переправе, к стенам, к тому что должно было случиться.

Туман ушёл окончательно. День обещал быть ясным.

Конец первой главы.

Глава 2. Ворота

Переправа заняла больше времени чем рассчитывали.

Река здесь была широкой — не глубокой, но с сильным течением, которое тянуло лошадей в сторону и путало строй. Пехота переходила вброд по пояс в воде, держа оружие над головой. Последние повозки с припасами вытаскивали уже в сумерках — колёса увязли в илистом дне, пришлось впрягать дополнительных лошадей и тянуть вручную. Командиры не кричали — просто показывали руками куда идти, и люди шли.

Таэрион ждал на том берегу. Он уже переправился одним из первых, спешился и стоял у воды, наблюдал. Не торопил. Переправа — это всегда уязвимое место, и спешка здесь хуже медлительности. Он знал это ещё со времён когда они с Каэланом и горсткой людей переходили вот такие же реки, только тогда за ними не было пятисот человек — только ночь и чужая земля под ногами.

Когда последняя повозка выбралась на берег и командир арьергарда подал знак, Таэрион сел на коня и двинулся вперёд.

Нифльгардские деревни встречали их тишиной.

Не враждебной — просто тихой. Люди стояли у ворот и у плетней, смотрели. Старики, женщины, дети. Мужчин почти не было видно — ушли в город или попрятались. Никто не кричал, никто не бежал. Просто смотрели — как смотрят на реку в половодье. Знают что придёт, ждут, и уже приготовились к тому что будет после.

Таэрион ехал через первую деревню медленно. Не потому что боялся — просто смотрел. Дома здесь были каменные, приземистые, с узкими окнами. Совсем не похожи на кругосветы. Огороды вдоль дороги, колодцы с деревянными воротами, у одного забора сидела старуха и держала на руках маленького ребёнка — крепко, обеими руками, будто боялась что отнимут.

Таэрион придержал коня на мгновение. Посмотрел на старуху. Она смотрела на него в ответ — прямо, без страха, только с той усталостью в глазах которая бывает у людей переживших слишком много разных армий.

Он кивнул ей. Слегка. Она не ответила.

Он поехал дальше.

Стены Нифльгарда показались незадолго до рассвета.

Они остановились на холме в версте от ворот. Внизу в темноте угадывались очертания — высокие, тяжёлые, из того самого серого камня которым так гордился Нифель когда строил их триста лет назад. Над воротами горели факелы. У стен двигались тени стражников.

Тариан подъехал к отцу. Некоторое время они стояли рядом и смотрели вниз молча.

— Они знают что мы здесь, — сказал Тариан тихо.

— Знают, — ответил Таэрион. — Дозоры нас видели ещё у реки.

— Тогда почему ворота закрыты?

— Потому что есть те кто ещё не решил, — сказал Таэрион. — КСА держит изнутри склады и башни. Но гарнизонная стража — это другие люди. Они присягали Моргену. Не Тариану, не нам — Моргену. И часть из них будет драться.

— За человека который уже проиграл.

— За свою землю, — поправил Таэрион. — Не за Моргена. За то что за этими стенами. Дома, семьи. Они не знают чего ждать от нас. Поэтому будут стоять.

Тариан помолчал.

— Значит всё зависит от того как быстро КСА откроет ворота изнутри.

— Да.

— А если Морген успеет что-то предпринять раньше?

— Не успеет, — сказал Таэрион. — Элдан уже несколько дней держит его взгляд на севере. Морген сейчас думает о флоте которого не существует и гадает куда послать силы. Пока он думает — ворота откроются.

Тариан помолчал. Смотрел на стены.

— Ждём? — спросил он.

— Ждём.

Сигнал пришёл через час.

Не звук — свет. Маленький огонь на левой башне — вспыхнул, погас, вспыхнул снова три раза. Таэрион увидел его первым. Он не сказал ничего — просто тронул коня и поехал вниз по склону. Тариан — следом. За ними колонна пришла в движение.

Они подошли к воротам в полной тишине. Факелы над аркой горели. Стражники на стенах были — Таэрион видел их силуэты. Но ворота начали открываться — медленно, со скрипом старых петель которые давно не смазывали — и из-за них вышел человек.

Не Элдан. Молодой, в доспехах КСА с золотым соколом на груди — тот самый парень со шрамом на лице которого Тариан вытащил из долговой ямы в первые дни. Он встал перед воротами, поднял руку в приветствии и сказал только одно слово — громко, чтобы слышали все на стенах:

— Путь свободен.

Но путь не был свободен.

Со стены слева ударили стрелы — не залпом, несколько штук — неточно, в темноту. Закричал кто-то в колонне. Таэрион услышал это и не остановился. Он смотрел вперёд — туда где в проёме открытых ворот начиналось движение. Своих он слышал по звуку — они разворачивались к стене, прикрывались щитами.

— Левую башню, — бросил он Довару, не оборачиваясь.

Довар кивнул и ускакал. Через минуту у основания башни началась короткая жестокая схватка — Таэрион слышал звон стали и крики. Потом стихло.

Стрелы со стены прекратились.

Таэрион въехал в ворота. За ними открылся широкий двор — и здесь уже шёл бой. Не большой — несколько десятков человек, гарнизонные стражники в форме Нифльгарда против КСА в чёрных доспехах. Стражники дрались хорошо. Без паники, без бегства — стояли

строим, щит к щиту, и отходили медленно, прикрывая друг друга. Таэрион смотрел на них и думал о том что Тариан говорил утром — что эти люди не виноваты. Что они просто родились здесь.

— Кричи им, — сказал он Тариану который въехал рядом. — Ты их командир. Они тебя знают.

Тариан привстал в стремях.

— Слушайте меня! — крикнул он — громко, чисто, так что услышали все во дворе. Бой не остановился, но что-то изменилось — несколько человек со стороны стражников на долю секунды повернули головы. — Я Тариан! Вы меня знаете! Я не пришёл убивать вас. Мы просто пришли поговорить с Моргеном! Сложите оружие и никто из вас не пострадает! Клянусь!

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом один из стражников — пожилой, с сединой в бороде, судя по знакам различия десятник — опустил щит. Посмотрел на Тариана. Потом на своих людей. Потом снова на Тариана.

— Ты клянёшься? — спросил он. Голос у него был хриплым и усталым.

— Клянусь, — повторил Тариан.

Десятник помолчал ещё мгновение. Потом воткнул меч в землю у своих ног и поднял руки. Один за другим его люди сделали то же самое. Не все — трое или четверо бросились в переулочек и исчезли в темноте. Таэрион не стал их преследовать. Пусть уходят.

Двор затих.

Морген Морвен был в тронном зале.

Он стоял у высокого окна и смотрел во двор — туда где факелы КСА расходились по улицам и где уже не было слышно звона стали. Его лицо было спокойным. Не той спокойностью которая бывает от уверенности — а той которая бывает когда человек уже всё понял и принял.

Элдан стоял у двери. Больше не сутулился, не хромал, не прятался за мастью и старческим голосом. Просто стоял прямо — немолодой, крепкий мужчина с умными глазами — и ждал.

Морген долго не оборачивался. Смотрел в окно.

— Ты хорошо играл, — сказал он наконец. Голос у него был ровным. — Несколько дней. Я ни разу не усомнился.

— Это была честная игра, мой Архонт, — сказал Элдан. — Лучшие карты выиграли.

— Кто он? — спросил Морген. — Тот кто всё это придумал.

— Таэрион. Сын Гаэриона. Законный Кардон Валхеллы.

Морген медленно повернулся. Посмотрел на Элдана долго — изучающе, без злобы.

— Говорили что он мёртв.

— Говорили.

— Выжил.

— Выжил.

Морген снова посмотрел в окно. Факелы внизу двигались — КСА занимал улицы, методично, без лишнего шума.

— Он придёт сюда?

— Да.

— Скоро?

— Думаю что уже едет.

Морген кивнул. Медленно — как человек который принимает то от чего не уйти. Потом отошёл от окна, сел в кресло у стола и сложил руки перед собой.

— Тогда пусть войдёт, — сказал он. — Я хочу посмотреть на человека который переиграл меня.

Элдан молча поклонился и вышел.

Таэрион вошёл в тронный зал один.

Без стражи, без Тариана. Тариан остался снаружи — не потому что так приказали, а потому что понял: этот разговор не для него. Это было между двумя людьми у каждого из которых за плечами была своя война и своя цена.

Зал был большим и холодным. Высокие потолки, каменные стены, узкие окна сквозь которые уже начинало сочиться утро. Морген сидел в кресле у стола — не на троне. Просто сидел. Руки на столе, спина прямая. Смотрел на дверь когда Таэрион вошёл.

Таэрион подошёл. Остановился напротив. Посмотрел на Моргена — на человека которого видел впервые но о котором знал почти всё.

Морген был старше чем казалось издалека. Седой, с тонкими руками и усталыми умными глазами. Не безумец и не садист — человек который умел быть жестоким когда считал это нужным, и никогда не испытывал от этого удовольствия. Именно это делало его опасным. И именно это делало его поражение таким тихим — он проиграл так же холодно и расчётливо как жил.

— Садись, — сказал Морген. Не как приказ — как предложение.

Таэрион сел.

Они смотрели друг на друга. Молчали. За окном светало — серый рассвет полз по стенам, гасил тени, открывал камень.

— Ты не похож на Гаэриона, — сказал Морген наконец.

— Мне говорили, — ответил Таэрион.

— Твой отец был великим правителем. Но жёстким. С ним невозможно было договориться — только воевать или подчиняться. — Морген помолчал. — Ты другой. Это видно по тому как ты вошёл.

— Я проигрывал достаточно, — сказал Таэрион тихо. — Это меняет человека.

Морген посмотрел на него долго.

— Гуннар, — сказал он наконец. Одно слово. Без вопросительной интонации — но вопрос в нём был.

— Жив, — сказал Таэрион. — В темнице. Цел.

— Ты обещал не убивать его.

— Я не убиваю своих, — сказал Таэрион. — Даже тех кто предал. Гуннар — кровь Каэрионов. Он останется жить.

Морген принял это. Не с облегчением — просто принял как факт. Опустил взгляд на стол. Помолчал.

— Он был слабым правителем, — сказал он тихо — будто сам себе. — Я знал это. Но он был моим сыном. Я думал — научится. Окрепнет. — Пауза. — Не научился.

Таэрион не ответил на это. Некоторые вещи не требуют ответа.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Морген, поднимая взгляд. — Казни? Темницы?

— Капитуляции, — сказал Таэрион. — Официальной. Перед моими людьми и твоими. Чтобы видели все.

— И что получит Нифльгард взамен?

— Жизнь, — сказал Таэрион просто. — Твои люди живут как жили. Своим укладом, своими законами в той части которая никому не вредит. Никаких казней, никаких чисток. Армию распустить — те кто хочет войдут в Корпус наравне со всеми. Твои старейшины сядут в совет.

— А я?

Таэрион ответил не сразу. Смотрел на него.

— Ты останешься жить, — сказал он. — Ты умный человек и у тебя есть знания о своей земле которые мне нужны. Если захочешь — будешь советником. Если нет — уйдёшь в свои владения и будешь жить спокойно. Выбор твой.

Морген долго молчал.

— Три дня назад я бы назвал это унижением, — сказал он наконец. — Сегодня называю это разумным предложением. — Он посмотрел на Таэриона прямо. — Ты позволяешь мне уйти с достоинством.

— Человек который сдаётся с достоинством сдаётся по-настоящему, — сказал Таэрион. — Человека которого унизили — мстит. Рано или поздно.

— Мудро, — сказал Морген. Без иронии. — Хорошо. Я приму твои условия. Дай мне час — созову тех кто остался. Капитуляция будет публичной.

Таэрион встал.

— Час, — подтвердил он.

Он пошёл к выходу. У дверей остановился — не оборачиваясь.

— Морген. Те кто ушли ночью через переулок — я не стал их преследовать.

— Я видел из окна, — сказал Морген за его спиной.

— Это не слабость.

— Я знаю, — сказал Морген. — Именно поэтому я сижу здесь и разговариваю с тобой. А не стою у стены.

Таэрион вышел.

За дверью стоял Тариан — прислонившись к стене, с руками скрещенными на груди. Он ждал. Увидел лицо отца — прочитал то что надо было прочитать.

— Договорился? — спросил он тихо.

— Договорился, — ответил Таэрион.

Тариан кивнул. Отлепился от стены.

— Ты позволил ему уйти с достоинством, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Человек который сдаётся с достоинством сдаётся по-настоящему, — сказал Таэрион.
— Человека которого унизили — мстит. Рано или поздно.

Они вышли во двор. Рассвет уже разлился по небу — не яркий, серый и холодный, но рассвет. Первый день Нифльгарда в котором не было войны.

Конец второй главы.

Глава 3. Последний Архонт

Площадь перед цитаделью была не большой.

Нифльгард вообще строился не для парадов — он строился для обороны. Улицы узкие, дома плотные, всё прижато к стенам и друг к другу как будто город всю жизнь ждал осады и заранее съёжился. Площадь была единственным открытым местом — серые плиты, колодец в центре, по краям низкие торговые ряды с закрытыми ставнями. Сейчас ставни были закрыты везде. Но за ними стояли люди — Таэрион это чувствовал. Весь город стоял за закрытыми ставнями и смотрел в щели.

КСА выстроился по периметру — молча, в чёрных доспехах, без лишнего движения. Пятьсот человек Таэриона заняли подходы. Между ними на площади осталось пустое пространство — и в это пространство вышел Морген.

Он шёл один. Без охраны, без свиты. В той же одежде в которой сидел в тронном зале — без доспехов, без оружия. Просто шёл через площадь к тому месту где стояли Таэрион и Тариан, и шаги его по серым плитам звучали ровно и неторопливо.

Таэрион смотрел на него и думал — вот человек который умеет проигрывать. Не все умеют. Большинство в такой момент либо прячутся либо кричат либо пытаются торговаться до последнего. Морген шёл.

Он остановился в трёх шагах. Посмотрел на Таэриона. Потом на Тариана. Потом снова на Таэриона.

— Я Морген Морвен, — сказал он — громко, чтобы слышали все. — Архонт Нифльгарда. — Пауза. — Бывший Архонт.

Он опустился на одно колено. Медленно — как опускается тяжёлый камень. Склонил голову.

Площадь молчала.

Таэрион сделал шаг вперёд. Положил руку на плечо Моргена — не как жест власти, а как жест человека который принимает то что ему дают.

— Встань, — сказал он.

Морген поднялся. Они стояли лицом к лицу — двое немолодых людей на холодной площади чужого города на рассвете.

— Нифльгард отныне часть Валхеллы, — сказал Таэрион — тоже громко, для всех. — Его люди — наши люди. Его земля — наша земля. Никаких казней. Никаких чисток. Кто хочет служить — служит наравне со всеми. Кто хочет жить как жил — живёт. — Он обвёл взглядом площадь, закрытые ставни, тени за ними. — Война окончена. Не эта — та. Та которая длилась триста лет. Сегодня она окончена.

Тишина

Потом — не крик, не ликование — просто звук. Где-то скрипнула ставня. Потом ещё одна. Потом кто-то кашлянул. Потом негромкий разговор — два голоса, три, больше. Город начинал дышать.

Морген стоял рядом. Смотрел на площадь.

— Они не верят, — сказал он тихо — только для Таэриона. — Ещё не верят. Им нужно время.

— Знаю, — сказал Таэрион. — Время будет.

Элдан появился на площади когда всё уже закончилось.

Он шёл без мази, без хромоты, без посоха — просто шёл, и те из нифльгардцев кто узнавал в этом прямом немолодом человеке согбенного советника Архонта останавливались и смотрели вслед с таким видом будто увидели привидение.

Тариан встретил его у колодца. Они обнялись коротко — крепко, без лишних слов. Элдан похлопал его по спине и отступил. Посмотрел на него — внимательно, как смотрят на человека которого долго не видели и хотят убедиться что всё в порядке.

— Вырос, — сказал Элдан.

— Ты видел меня три недели назад, — сказал Тариан.

— Три недели — это много когда столько всего происходит, — возразил Элдан невозмутимо.

Тариан усмехнулся. Потом посерьёзnel.

— Потери?

— Семеро, — сказал Элдан. — Ночью у складов. Гарнизонные стражники из тех кто не захотел слушать. — Помолчал. — Могло быть хуже.

— Семеро — это не мало.

— Нет, — согласился Элдан. — Не мало.

Они помолчали. Элдан посмотрел туда где стоял Таэрион — тот разговаривал с кем-то из командиров, коротко и деловито.

— Как он? — спросил Элдан тихо.

— Как всегда, — сказал Тариан. — Снаружи — спокоен. Внутри — не знаю. Никогда не знаю.

— Это у него от отца, — сказал Элдан. — Гаэрион тоже умел держать лицо. — Помолчал. — Только внутри у него всё горело. Постоянно.

Тариан посмотрел на отца. Потом снова на Элдана.

— У него тоже, — сказал он тихо. — Просто горит по-другому.

Они выступили из Нифльгарда на следующее утро.

Морген вышел проводить их — один, у ворот. Не потому что должен был. Просто вышел.

Таэрион остановил коня рядом с ним. Они смотрели друг на друга молча — уже не как враги, ещё не как что-то другое. Просто два человека которые сделали что должны были сделать.

— Советником не приду, — сказал Морген. — Стар я для этого. И не моё это — чужой совет.

— Знаю, — сказал Таэрион. — Я и не рассчитывал.

— Тогда зачем предлагал?

— Чтобы был выбор, — сказал Таэрион просто. — Человек должен иметь выбор. Даже когда проиграл.

Морген посмотрел на него.

— Ты странный человек, Таэрион сын Гаэриона, — сказал он наконец. — Не похожий ни на кого кого я знал.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю, — сказал Морген. — Время покажет.

Таэрион тронул коня. Отъехал несколько шагов. Потом обернулся — один раз.

— Морген. За реку — к твоим людям в деревнях — пусть придёт кто-то из твоих. Кому они верят. Объяснит что происходит. Чтобы не боялись.

Морген смотрел на него.

— Сам пойду, — сказал он после паузы.

Таэрион кивнул. И поехал вперёд.

Тариан догнал отца уже за воротами.

Они ехали рядом — колонна растянулась позади, КСА замыкал строй. Нифльгард уходил за спину — серые стены, узкие улицы, закрытые ставни которые уже начинали открываться.

Некоторое время ехали молча. Дорога шла в гору — холмы впереди были покрыты редким осенним лесом, жёлтым и рыжим, и ветер гнал по земле первые опавшие листья.

— Семеро, — сказал Тариан тихо. Не вопрос — просто сказал вслух то о чём думал.

— Да, — ответил Таэрион.

— Могло быть больше.

— Могло.

Тариан помолчал. Смотрел на дорогу.

— Я думал о том десятнике, — сказал он. — Который опустил меч первым. Седой, с усталыми глазами. Он мог не опустить. Мог стоять до конца — и тогда за ним стояли бы все остальные. И тогда — не семеро.

— Я тоже о нём думал, — сказал Таэрион.

— Почему он опустил?

Таэрион помолчал. Листья летели поперёк дороги. Где-то высоко кричала птица — резко, коротко, и замолчала.

— Потому что он устал, — сказал Таэрион наконец. — Не от этой ночи — от всего. От войны которая никогда не кончается. От приказов которые он выполнял не понимая зачем. — Пауза. — Такие люди всегда чувствуют когда можно остановиться. Им только нужно чтобы кто-то первым сказал что можно.

Тариан думал об этом.

— Ты ему что-нибудь скажешь? Когда устроится всё?

— Найду, — сказал Таэрион. — Такие люди нужны. Не те кто дерётся до конца потому что не умеет иначе. А те кто умеет остановиться в нужный момент. Это редкое умение.

Они ехали дальше. Осенний лес по обочинам редел — холмы становились ниже, дорога выходила на открытое пространство. Впереди угадывалось направление на юг. На Харум. На Валхеллу.

— Отец, — сказал Тариан после долгого молчания.

— М?

— Устал?

Таэрион чуть усмехнулся.

— Устал, — признал он. — Давно так не уставал. — Помолчал. — Или давно не замечал.

— Дома отдохнёшь.

— Дома работа, — сказал Таэрион. — Валхелла ждёт. Надо восстанавливать что Гуннар разрушил. Академия, кругосветы, торговля. Много всего. — В его голосе не было усталости от этих слов — скорее что-то похожее на спокойную уверенность человека который знает что делать дальше. — Но это уже другое. Это не война. Это жизнь.

Тариан слушал. Смотрел на дорогу впереди.

— Да, — сказал он тихо. — Это жизнь.

Больше он ничего не сказал. То что было у него на душе — осталось при нём. Не время ещё. Время будет дома.

Колонна шла на юг. День набирал силу. Нифльгард оставался за спиной — побеждённый, живой, растерянный, начинающий привыкать к тому что мир изменился. Впереди была Валхелла. И то что в ней ждало.

Конец третьей главы.

Глава 4. Возвращение

Харум встретил их шумом.

Ещё на подходе — за версту, за две — Таэрион слышал его. Не слова, не отдельные голоса — просто гул. Живой, многоголосый, непрерывный. Так гудит Харум когда что-то происходит. Так он гудел когда праздновали победы его отца. Так он гудел когда хоронили Дардэна. Таэрион помнил оба звука и умел их различать.

Сейчас это был первый.

Они въехали через северные ворота — колонна растянулась по дороге, КСА замыкал строй, пыль стояла столбом за копытами. И когда первые всадники показались в воротах — Харум взорвался.

Кричали все. Кричали с крыш кругосветов, с помостов, с земли. Женщины поднимали детей чтобы те видели. Старики стояли молча но с таким лицом что молчание весило больше криков. Кто-то бросал под копыта охапки травы — старый обычай, Таэрион не видел его с детства. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Всё это смешалось в один звук — огромный, живой, тёплый.

Таэрион ехал через это прямо, не останавливаясь. Смотрел вперёд. Но что-то в нём — то самое место которое он восемнадцать лет держал закрытым — открылось на мгновение и впустило всё это внутрь. Голоса, лица, запах дыма и травы, звук Харума который он знал с рождения.

Он не показал этого. Просто ехал.

Лира ждала у Великого Кругосвета.

Не на площади — у самого входа, чуть в стороне от толпы. Стояла спокойно, со сложенными руками, и смотрела как он едет. Кириани стояла рядом — она в отличие от матери не стояла спокойно. Она приплясывала на месте и когда наконец увидела отца — закричала что-то и бросилась вперёд, расталкивая людей.

Таэрион спешил. Кириани налетела на него как порыв ветра — он едва успел поймать её, она повисла у него на шее и говорила что-то быстро, сбивчиво, он не разбирал слов. Просто держал её. Крепко.

Потом поднял взгляд — через её плечо, поверх голов — и встретился глазами с Лирой.

Она улыбалась. Не широко — чуть. Так как умела только она — без лишнего, без показного. Просто смотрела на него и улыбалась, и в этой улыбке было всё что не надо было говорить вслух.

Кириани наконец отпустила его. Отступила на шаг, оглядела с ног до головы — придирчиво, серьёзно, совсем не по-детски.

— Цел? — спросила она.

— Цел, — сказал Таэрион.

— Тариан тоже цел?

— Тоже.

Она кивнула — удовлетворённо, как будто проверила список и убедилась что всё в порядке. Потом обернулась туда где в толпе появился Тариан — и снова бросилась вперёд.

Таэрион подошёл к Лире. Они встали рядом. Плечом к плечу. Смотрели как Кириани вцепилась в Тариана — тот смеялся и пытался её оторвать, она не давалась.

— Долго, — сказала Лира тихо.

— Знаю, — сказал он.

— Всё хорошо?

— Всё хорошо.

Она чуть придвинулась — совсем немного. Он почувствовал тепло её плеча рядом со своим.

— Орвас ждёт внутри, — сказала она. — Злой.

— Орвас всегда злой.

— Сейчас особенно. Говорит что его оставили как сторожевого пса пока все пошли воевать.

Таэрион усмехнулся — почти незаметно.

— Это его главное занятие — быть недовольным, — сказал он. — Пойдём.

Орвас действительно был внутри.

Сидел у стола — прямой, с руками на коленях, с таким лицом как будто готовился к суду. Когда Таэрион вошёл — встал. Они смотрели друг на друга молча. Потом Орвас шагнул вперёд и обнял его — коротко, крепко, по-мужски — и тут же отступил и принял прежний суровый вид.

— Вовремя, — сказал он. — Ещё бы день промедлили — я бы сам туда поехал.

— Зачем? — спросил Таэрион.

— Чтобы всё испортить и вернуться с чем-нибудь бессмысленным, — сказал Орвас без тени улыбки. — Как обычно.

Тариан за спиной отца тихо засмеялся. Орвас покосился на него.

— Ты тоже цел, вижу, — сказал он. — Хорошо. Было бы обидно.

— Рад тебя видеть, Орвас, — сказал Тариан.

— Это взаимно, — буркнул Орвас. — Садитесь. Есть разговор.

Орвас докладывал — коротко, чётко, без лишнего. Харум жил — шумно, растерянно, как человек который долго был болен и вдруг обнаружил что здоров и не знает что с этим делать. Люди выходили на улицы, говорили громко, смеялись громче чем обычно — так бывает когда долго боялись и вдруг перестали.

Магистры Академии уже вернулись в новую крепость — разбирали вещи, готовили залы. Через несколько дней должны были прийти первые ученики.

Гуннар сидел в темнице. Здоров. Молчит.

— Народ требует казни, — сказал Орвас. — Не все — но громко. Особенно те у кого Гуннар забрал скот или родственников в войну. Таких немало. И они не успокоятся сами по себе.

— Знаю, — сказал Таэрион.

— Что решишь?

— Пожизненная темница, — сказал Таэрион. — Я уже решил. Он останется жить.

Орвас кивнул — без возражений. Принял как данность.

Но Тариан, который до этого молчал, поднял взгляд.

— Отец, — сказал он. — Можно я скажу?

— Говори.

— Пожизненная темница — это не решение. — Тариан говорил ровно, без спешки. — Это просто отложенный вопрос. Народ будет спрашивать снова и снова — почему он жив, чем он заслужил жизнь, пока другие потеряли родных. И у нас не будет ответа кроме — потому что Кардон так решил. — Он помолчал. — А это слабый ответ.

— А какой ответ сильный? — спросил Таэрион.

— Суд, — сказал Тариан. — Открытый. Где каждый может прийти и услышать — за что судят, на каком основании, какой приговор и почему. Тогда это не воля одного человека — это закон. И народу будет что ответить.

Орвас смотрел то на одного то на другого — молча, с непроницаемым лицом.

Таэрион помолчал.

— Суд, — повторил он. — По каким законам?

— По тем что есть, — сказал Тариан. — Начнём с того что есть. А дальше — посмотрим.

— А дальше — посмотрим, — медленно повторил Таэрион. В его голосе не было ни согласия ни отказа. Просто слова. — Я подумаю.

Тариан больше не настаивал. Он сказал что хотел сказать. Остальное — дело отца.

Орвас кашлянул.

— Снаружи ещё ждут, — сказал он. — Народ хочет видеть Кардона. Хочет слышать его голос.

Таэрион встал.

Площадь перед Великим Кругосветом была полна.

Таэрион вышел на помост — простой, деревянный, сколоченный наспех. Никаких украшений, никакой позолоты. Просто помост над толпой.

Харум замолчал когда он появился. Сразу — как будто кто-то оборвал звук. Тысячи лиц смотрели на него. Разные лица — молодые и старые, радостные и усталые, с надеждой и с болью. Он видел всех сразу и никого в отдельности.

Он стоял молча несколько секунд. Просто смотрел на них. Они смотрели на него.

— Валхелла свободна, — сказал он наконец. Не крикнул — просто сказал. Но площадь была тихой и его услышали все. — Нифльгард больше не угрожает нам. Гуннар в темнице. Академия открывается. Кругосветы снова двинутся.

Площадь ответила — громко, долго. Он ждал пока стихнет.

— Много людей не дожили до этого дня, — продолжил он когда стало тише. — Они заслужили чтобы мы помнили их. Не только сегодня. Всегда.

Снова тишина. Другая — тяжёлая, живая.

— Впереди работа, — сказал он. — Много работы. Мы долго жили в войне. Теперь будем учиться жить в мире. Это труднее чем кажется. Но мы справимся. Всегда справлялись.

Он замолчал. Площадь снова взорвалась — и на этот раз он не ждал пока стихнет. Просто повернулся и ушёл.

Вечером они сидели вчетвером — Таэрион, Лира, Тариан, Кирани.

Не за большим столом — в малых покоях, тесно, по-домашнему. Кирани рассказывала что-то смешное про то как Орвас ругался когда гонцы перепутали донесения и отправили один и тот же свиток дважды. Тариан смеялся. Лира слушала с улыбкой.

Таэрион сидел и смотрел на них.

Думал о разговоре с Тарианом. О суде. О том что сын сказал — это не воля одного человека, это закон. О том что ответить на это было нечего. И о том что именно это его и беспокоило.

— Отец, — сказала вдруг Кирани, — ты не слушаешь.

— Слушаю, — сказал он.

— Нет. У тебя такое лицо когда ты думаешь о чём-то другом. Я это лицо знаю.

Тариан покосился на отца. Промолчал.

— Я слушаю, — повторил Таэрион. — Продолжай про Орваса.

Кирани прищурилась — недоверчиво. Но продолжила.

Лира тихо коснулась руки Таэриона под столом. Он не посмотрел на неё. Просто накрыл её руку своей.

За окном Харум постепенно затихал — гул праздника опускался, растворялся в ночи. Первый день мира. Первый из многих.

Таэрион сидел среди своих и думал о том что сказал сын. И о том что не сказал ещё. Но скажет. Он это чувствовал.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. Новый дом

Крепость стояла на восточном холме.

Тариан построил её сам — не в переносном смысле, а буквально. Он выбрал место, он утверждал чертежи, он следил за каждой стеной и каждым пролётом. Камень везли с северных карьеров, дерево — из валхеллийских лесов. Морген платил за всё это из своей казны думая что строит форпост для КСА. Он не знал что строит будущее которое его переживёт.

Таэрион въехал в ворота и остановился посреди двора.

Он бывал здесь раньше — мельком, в суете последних дней перед финальным ударом по Гуннару. Тогда было не до осмотра. Теперь он смотрел — внимательно, не торопясь. Широкий двор, открытый и светлый. Высокие стены из хорошего камня — не крепостные, скорее — жилые, с большими окнами. Галереи по внутреннему периметру. Несколько корпусов — для жилья, для занятий, для мастерских. Всё добротное, всё с умом.

— Ты хорошо строил, — сказал Таэрион, не оборачиваясь к Тариану.

Тариан стоял рядом. Смотрел на крепость так как смотрят на что-то своё — не с гордостью, с чем-то более тихим и личным.

— Я думал о ней иначе тогда, — сказал он. — Думал — военная база. Плацдарм. — Помолчал. — А теперь смотрю и думаю — здесь можно жить. По-настоящему.

— Здесь и будут жить, — сказал Таэрион. — Магистры. Ученики. — Пауза. — И не только они.

Тариан посмотрел на него.

— Ты думаешь о том же о чём я?

— О Морее? — Таэрион медленно обошёл двор взглядом — от ворот до дальней стены, от галерей до неба над ними. — Думаю. Ещё не решил. Но думаю.

— —

Эвальд ждал у входа в главный корпус.

Он был старше чем Таэрион его помнил — или просто казался таким на открытом свету. Белые волосы, прямая спина, взгляд ровный и спокойный. Он пережил закрытие Академии, стражу Гуннара, солдат которые бросали свитки на пол — и стоял сейчас так как будто ничего этого не было. Просто ждал у нового порога.

Таэрион подошёл к нему. Они смотрели друг на друга молча — с той основательностью с которой смотрят люди у которых за плечами общая история.

— Магистр, — сказал Таэрион.

— Кардон, — ответил Эвальд.

— Как залы?

— Просторные. Светлые. — Эвальд помолчал. — Лучше чем были. В скале было темно. Здесь — нет. — Он чуть помолчал. — Свитки почти все целы. Часть рассыпалась при переезде но большинство в порядке. Мои люди работали бережно.

— Ученики когда?

— Через три дня. Я уже отправил людей по кругосветам. Те у кого были дети в Академии до закрытия — получают слово первыми.

— Без ограничений, — сказал Таэрион. — Как было при моём отце. Любой кто хочет учиться — учится. Из любого кругосвета. Из любой семьи.

— Это я помню, — сказал Эвальд тихо. Не как возражение — как воспоминание. — Так было всегда. До Гуннара.

— И ещё, — сказал Таэрион. — Нифльгардцы. Те кто захочет — могут прийти. Наравне со всеми.

Эвальд поднял взгляд. Смотрел на него секунду.

— Это вызовет разговоры, — сказал он.

— Знаю, — сказал Таэрион. — Пусть.

Эвальд помолчал. Потом кивнул — едва заметно, как кивают когда согласны не только с решением но и с человеком.

— Тогда идёмте. Покажу залы.

— —

Они ходили по крепости долго.

Эвальд вёл — спокойно, без суеты. Большой зал для занятий — высокий потолок, окна на восток, утром здесь будет хорошо. Библиотека — полки новые, но свитки уже расставлены по местам, пахнет деревом и старым пергаментом одновременно. Мастерские — просторные, с очагами и верстаками. Двор для практических занятий — открытый, с видом на долину.

Тариан шёл рядом молча. Смотрел на своё детище другими глазами — не глазами командира который строил базу, а глазами человека который видит что из этого получилось.

— Здесь хватит места на двести учеников, — сказал Эвальд у окна библиотеки. — Может больше.

— Сколько было раньше? — спросил Тариан.

— В лучшие времена — около ста двадцати, — сказал Эвальд. — Потом меньше. Гуннар не брал новых несколько лет до того как закрыл совсем.

— Будет больше ста двадцати, — сказал Тариан просто.

Эвальд посмотрел на него. Потом на Таэриона. Что-то в его взгляде стало чуть теплее.

— Да, — сказал он. — Думаю будет.

— —

После обхода Таэрион вышел на стену.

Здесь был широкий выступ — почти смотровая площадка. Вид отсюда открывался на долину — широкую, с рекой внизу, с Харумом вдали. Справа уходили холмы — туда где за ними начинался бывший Нифльгард. Прямо под стеной — пустой пологий склон. Хорошее место для чего-то большого. Для чего — он ещё не решил вслух. Но чувствовал.

Тариан вышел следом. Встал рядом.

— Отец, — сказал он после молчания. — Смотришь на склон.

— Смотрю

— Я тоже на него смотрю. Уже давно. Ещё когда строил. — Тариан помолчал. — Там можно поставить первые дома. Потом рынок. Потом — больше. Если захотеть.

Таэрион молчал.

— Это место лучше Харума для нового начала, — продолжил Тариан осторожно, не давя. — Харум — это традиции. Это память. Это хорошо — но это прошлое. А здесь — чистый склон. Здесь можно строить не поверх старого, а рядом. По-новому.

— Морейя, — сказал Таэрион тихо. Не вопрос — просто сказал слово вслух.

— Да, — сказал Тариан.

Таэрион долго смотрел на склон. На долину. На горизонт.

— Я не готов это решить сегодня, — сказал он наконец.

— Я знаю, — сказал Тариан. — Я не тороплю.

— Но думать — думаю, — добавил Таэрион.

Тариан ничего не ответил. Просто стоял рядом и смотрел туда же.

— —

Старейшины появились к полудню.

Их было семеро — те кто помнил ещё времена Гаэриона, кто сидел на советах. Немолодые, прямые, в традиционных накидках с родовыми знаками. Они ждали во дворе — не в зале, не за столом. Во дворе. Это было знаком — они пришли не на совет. Они пришли говорить.

Таэрион вышел к ним один. Без Тариана — специально.

Говорил старший — Бергас, с белой бородой и тяжёлым взглядом.

— Кардон. Мы рады твоему возвращению. Рады победе. — Пауза. — Но есть вещи которые нас тревожат.

— Говори

— Нифльгардцы, — сказал Бергас. — Ты принял их как равных. Их старейшины в совете. Их люди в Корпусе. Теперь — и в Академии. — Он посмотрел прямо. — Это не наш путь, Кардон. Враг остаётся врагом. Доверять побеждённым — значит открыть дверь тем кто уже однажды нам навредил.

— Навредил Морген, — сказал Таэрион. — Не все кто жил за той рекой.

— Кровь одна, — сказал Бергас.

— Значит и мы с ними из одной крови, — сказал Таэрион. — Мартес и Нифель были братьями. Триста лет назад была одна Валхелла. Я просто возвращаю то что было.

Бергас молчал. Остальные тоже — но по лицам было видно что слова дошли не до всех.

— Есть и другое, — сказал Бергас тише. — Твой сын. Тариан. Он говорит вещи которые люди понимают неправильно. Про законы. Про суд. Слышим — будто традиции предков для него помеха. — Он посмотрел на Таэриона. — Это опасные слова из уст Расича, Кардон.

Таэрион выслушал. Не перебивал. Помолчал.

— Тариан говорит что думает, — сказал он. — Это его право. Мои решения — это мои решения. За них отвечаю я. — Пауза. — Ваш голос я слышу. Но последнее слово за Кардоном. Так было при моём отце. Так будет при мне.

Бергас смотрел на него долго.

— Надеемся что ты услышал и нас, — сказал он наконец.

— Услышал

Они ушли. Таэрион стоял во дворе и смотрел им вслед.

Тариан вышел из-за угла — он слышал всё.

— Они придут снова, — сказал он.

— Придут, — сказал Таэрион.

— И не только они. Народ тоже говорит.

— Уже говорит.

Тариан помолчал.

— Отец. Ты сказал им — последнее слово за Кардоном. Но ты ведь не уверен что я не прав.

Таэрион посмотрел на сына. Долго.

— Нет, — сказал он тихо. — Не уверен.

— Тогда почему—

— Потому что не уверен и что ты прав, — сказал Таэрион. — Пока. — Он повернулся и пошёл к воротам. — Идём. Нас ждут в Харуме.

Тариан постоял секунду. Потом пошёл следом.

Крепость осталась позади — с магистрами в залах и свитками на полках. Через три дня сюда придут первые ученики. А на пустом склоне под стеной ветер гнал сухую траву — туда-сюда, туда-сюда. Пока ещё пустой склон. Пока.

Конец пятой главы.

Глава 6. Приговор

Гуннар сидел в темнице уже восемь дней.

Темница была не жестокой — Таэрион распорядился об этом сразу. Не яма, не цепи. Просто комната с крепкой дверью и узким окном под потолком через которое видно было только небо — серое или синее в зависимости от погоды. Еда дважды в день. Вода чистая. Охрана снаружи — двое, молчаливые, без лишних слов.

Таэрион пришёл один.

Гуннар сидел у стены на деревянной лавке. Когда дверь открылась — поднял голову. Посмотрел на Таэриона. Не встал.

Таэрион вошёл. Остановился посреди комнаты. Они смотрели друг на друга — двое людей которые знали друг друга всю жизнь и не знали совсем. Двоюродные братья. Кардон и тот кто украл его место. Победитель и побеждённый.

Гуннар постарел. Таэрион это видел — не злорадно, просто видел. Щёки провалились, взгляд потух. Не от темницы — от того что случилось до неё. От осознания.

— Ты пришёл сам, — сказал Гуннар. Голос у него был хриплым — то ли от молчания, то ли от чего-то другого.

— Сам, — сказал Таэрион.

— Зачем?

— Хотел сказать тебе лично. — Таэрион помолчал. — Ты останешься здесь. Пожизненно. Никакой казни. Никакого суда на площади.

Гуннар смотрел на него. Молчал долго.

— Почему? — спросил он наконец. Не с благодарностью — просто спросил. Как человек которому важно понять.

— Потому что ты — кровь Каэрионов, — сказал Таэрион. — Как и я. Этого достаточно.

— Народ хочет моей головы.

— Знаю.

— Ты идёшь против своего народа.

— Я Кардон, — сказал Таэрион. — Это моё решение. Не народа.

Гуннар помолчал. Смотрел в пол.

— Ты не изменился, — сказал он тихо. — Я думал — восемнадцать лет в изгнании сломают тебя. Или озлобят. — Пауза. — Не сломали.

— Нет, — сказал Таэрион.

— Жаль.

Таэрион посмотрел на него.

— Жаль?

— Сломанного было бы легче понять, — сказал Гуннар. Не с насмешкой — устало. — Целый человек всегда непонятен. Всегда страшен. — Он поднял взгляд. — Ты страшен, Таэрион. Всегда был. Даже когда был просто мальчиком в Академии. Что-то в тебе — не гнётся.

Таэрион не ответил на это.

— Есть что-то что ты хочешь? — спросил он. — В пределах разумного.

Гуннар подумал.

— Книги, — сказал он. — Если можно.

— Можно, — сказал Таэрион. — Что-нибудь ещё?

— Нет.

Таэрион кивнул. Повернулся к двери.

— Таэрион, — сказал Гуннар за его спиной.

Он остановился. Не обернулся.

— Отец знал что ты выживешь, — сказал Гуннар тихо. — Морген. Он говорил мне — этот мальчик выживет. Я не верил. — Пауза. — Отец редко ошибался.

Таэрион стоял секунду. Потом вышел.

— —

На площади Харума собралось много людей.

Не все — но достаточно. Те кто хотел услышать. Те кто ждал. Таэрион вышел на помост — тот же простой деревянный помост что и в день возвращения. Харум замолчал.

— Гуннар останется жить, — сказал Таэрион. Без предисловий, без длинных речей. Просто сказал. — Пожизненная темница. Это моё решение. Окончательное.

Площадь не взорвалась — как в день победы. Зашумела. По-другому. Голоса — разные, в разные стороны. Кто-то крикнул что-то злое — слов Таэрион не разобрал, только тон. Кто-то возразил. Кто-то молчал.

Таэрион стоял и ждал пока стихнет. Не торопил.

Когда стало тише — заговорил снова.

— Многие хотели казни. Я понимаю почему. — Пауза. — Многие хотели суда. Я понимаю и это. — Ещё пауза. — Я принял другое решение. Не потому что мне легче. А потому что я Кардон. И я отвечаю за то что будет с Валхеллой после. Не только сегодня.

Площадь молчала — по-разному. Одни принимая. Другие — нет.

— Это несправедливо! — крикнул кто-то из толпы. Мужской голос, молодой, злой. — Он убил моего брата! Его люди сожгли наш кругосвет! А он будет жить?!

Таэрион посмотрел туда откуда кричали. Не нашёл лица — толпа.

— Я слышу тебя, — сказал он. — Твой брат погиб. Это правда. Это не вернуть никакой казнь. — Пауза. — Гуннар проживёт остаток жизни взаперти. Без власти. Без воли. Без будущего. Это не мало.

— Этого мало! — крикнул тот же голос.

— Возможно, — сказал Таэрион. — Но это моё решение.

Он замолчал. Постоял ещё немного. Потом ушёл с помоста.

— —

Орвас догнал его у ворот Кругосвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.